

УДК 008

**ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ**

*канд. пед. наук, доц. А.А. ПАВИЛЬЧ
(Минский государственный лингвистический университет)*

Рассматриваются вопросы становления и развития сравнительно-культурологического знания в европейской философии. Отражается опыт осмысления типологических, этнонациональных и конфессиональных различий культуры в сочинениях М. Монтеня, Ш. Монтескье, И.-Г. Гердера, Ф. Ницше, Н. Бердяева.

В процессе освоения пространства культуры человек постоянно ощущает контраст между привычным и незнакомым, разграничивает свое и чужое, которые нередко воспринимаются на уровне бинарных оппозиций – прямо противоположных ментальных конструкций, замкнутых и взаимоотрицающих друг друга миров. К существенным основаниям, обуславливающим межкультурные различия, относятся территориально-региональный, расовый, этнонациональный и конфессиональный факторы. В древнегреческом обществе эллины, отличавшиеся образованностью и высоким уровнем цивилизации, тем самым противопоставляли себя другим – полудиким, малокультурным племенам, называя их варварами (гр. *barbaros* – чужеземец). Попытка установления различий в образе жизни, хозяйственном укладе, нравах, традициях, религиозных представлениях, государственном устройстве древних греков, римлян, германских племен и народов Востока отражена в сочинениях многих античных авторов (Геродот, Аристотель, Полибий, Фукидид, Ю. Цезарь, Тацит и другие), которые характеризовали чужие культуры с явным утверждением превосходства своей. Возникновение монотеистических религий обусловило отношение к язычеству как к ложной концепции мира, основанной на примитивных и невежественных взглядах. Поскольку пантеистическое восприятие окружающей действительности противоречило представлениям о трансценденности Бога, то мир язычников в сознании приверженцев монотеизма как истинной религии постепенно вытеснялся на периферию и становился чужим.

Дихотомия «Восток – Запад» является известным из глубин истории противопоставлением двух типов цивилизации, отличающихся культурными традициями, системами миропонимания и духовности. По определению В.С. Соловьева, древний, «великий» и в то же время «пагубный» спор Востока и Запада «достиг до наших дней, и доселе он глубоко разделяет человечество и мешает его правильной жизни» [1, с. 198]. И.-Г. Гердер, критикуя европоцентристские взгляды, отрицал идею превосходства Запада, подчеркивал роль наследия Востока в становлении и развитии европейской культуры. Относя письменность к наиболее важным и ценным достояниям культуры и языка народа, Гердер утверждал, что ни одна европейская нация «не может похвастаться собственным алфавитом», и «в этом отношении европейцы – настоящие варвары». Свой взгляд философ аргументировал так: «Первая культурная нация Европы – греки – приняла свой алфавит из рук восточного человека, а что все известные в Европе написания букв представляют собой измененные или искаженные начертания греческих букв» [2, с. 266]. Позиция И.-В. Гете относительно единства Запада и Востока в пространстве мировой культуры и идея гуманистического универсализма отражены в поэтическом сборнике «Западно-восточный диван». Гете не абсолютизировал европейские традиции, в частности каноны античной культуры, и, обращаясь к восточной поэзии, как лирик нашел то, чего не могла обеспечить классическая форма.

Все народы так или иначе проводят границу между своей этнокультурной действительностью и непривычным им окружением; ощущая и осознавая существенные отличия в социокультурном бытии, образе жизни, ментальности, религиозных взглядах, нормах и запретах ближайших и более отдаленных соседей, выстраивают свое отношение к ним. Проблема разделенности и отчужденности является типичной для многих этнических общностей даже в пределах одного государства и национальной культуры. Например, шотландцы, валлийцы и северные ирландцы, осознавая свою самобытность, очень болезненно реагируют, когда их отождествляют с англичанами, являющимися многочисленным народом Великобритании, поскольку отличаются собственными этнокультурными и религиозными традициями и даже происхождением. Возможность полноценного и эффективного межкультурного диалога зависит от степени взаимной толерантности к другим.

Мишель Монтень одним из первых отказался строго осуждать неевропейские народы, в частности живущих под властью законов природы туземцев Нового Света, исходя из общепринятых мнений и представлений. Оправдывая их жестокие нравы, он подверг суровой критике социокультурную действительность цивилизованных европейцев. Гуманист считал, что в жизни этих народов «нет ничего варвар-

ского и дикого, если только не считать варварством то, что нам непривычно» [3, с. 254]. Монтень был возмущен тем, что, замечая весь ужас действий чужеземных племен и упрекая их в каннибализме, европейцы слепы к своим недостаткам: «Я нахожу, что <...> большее варварство раздирать на части пытками и истязаниями тело, еще полное живых ощущений, поджаривать его на медленном огне, выбрасывать на растерзание собакам и свиньям...» [3, с. 259].

В межкультурных различиях являются значимыми системы разрешений и запретов, которые определяют нормы жизнедеятельности, модели поведения и особенности коммуникации людей в разных регионах, этнонациональных и конфессиональных типах культуры. Народам Европы порой кажутся анахронизмами такие распространенные в современном мире явления социокультурного пространства, как полигамия, продажа невест, регулируемые законами ограничения рождаемости, обусловленные большой численностью населения. Иногда странными для представителей западной культуры являются многие пищевые запреты и ограничения, установленные религиозными предписаниями. Например, употребление алкоголя (ислам, буддизм), свинины, мяса хищных птиц и животных, грызунов, насекомых, рептилий, моллюсков (иудаизм, ислам), мяса задушенных и убитых недопустимыми способами животных (ислам), говядины (индуизм), смешение молочных и мясных продуктов, необескровленное мясо (иудаизм). Многие пищевые запреты наделены глубоким духовным смыслом, поскольку обязывают человека строго контролировать свои плотские желания, вырабатывают способность ограничивать пристрастия к еде как главной потребности и удовольствию.

Как подтверждают факты и обстоятельства современной действительности, почву для ксенофобии часто создают не столько сами межкультурные и конфессиональные различия, сколько обобщенные, искаженные и невежественные представления о других. Шарль Монтескье в «Персидских письмах» благодаря соответствующему жанровому решению отразил типичные особенности восприятия европейской культуры представителями мусульманского мира. Находящиеся во Франции персы в письмах на родину рассказывают о непривычных нравах, обычаях, ценностных предпочтениях и суеживом ритме жизни европейцев. Знакомая с христианскими традициями европейской культуры, путешественники обнаруживают много общего с мусульманскими положениями веры и религиозным культом (представления о рае и аде, вера в божественную милость и чудеса Господа, в существование ангелов и злых духов, соблюдение постов): «Я всюду нахожу здесь магометанство, хотя и не нахожу Магомета» [4, с. 73]. В то же время Монтескье устами своих героев критически обобщает, что «у христиан большое расстояние от исповедания веры до подлинных верований» и «религия служит не столько предметом священного почитания, сколько предметом споров, доступных всем и каждому» [4, с. 140]. Персы поражены чрезмерной свободой, несдержанностью европейских женщин, «неутомимым желанием нравиться», называя все это «пятнами на их добродетели и оскорблениями для их мужей», а также «грубым бесстыдством, к которому невозможно привыкнуть», в отличие от благородной простоты, милой стыдливости, тихой и ровной жизни мусульманок, которые «не играют в карты, не проводят бессонных ночей, не пьют вина» [4, с. 60, 70]. Важно заметить, что, сравнивая стиль жизни, стереотипы поведения европейцев и азиатов, рассуждая об идеалах красоты, свободе и статусе восточных и европейских женщин, герои-мусульмане сохраняют объективность, взвешенность и беспристрастность, о чем свидетельствует их стремление выявить достоинства и недостатки в обеих культурах: «Персиянки красивее французенок, зато французенки милевиднее. Трудно не любить первых и не находить удовольствия в общении со вторыми: одни нежнее и скромнее, другие веселее и жизнерадостнее» [4, с. 70]; «...мужчины в Персии не отличаются живостью французов: в них не чувствуется той духовной свободы, и нет у них того довольного вида, которые я замечаю здесь...» [4, с. 71]; «Европейцы считают, что невеликодушно причинять огорчение тем, кого любишь, а наши азиаты отвечают, что для мужчины унижительно отказываться от власти над женщинами, которую сама природа предоставила им» [4, с. 76].

В формировании обобщенных и устойчивых представлений о других народах и их культурах значительную роль играют типичные особенности проявления этнического самосознания и национальной психологии индивидов, что наиболее ощутимо в мотивационных, когнитивных, эмоциональных и коммуникативных характеристиках поведения, принципах взаимодействия человека с окружающей действительностью. В образном восприятии душевного склада народов, как и людей, в первую очередь делается акцент на индивидуальных, неповторимых чертах, порой даже исполненных иррациональной экзотики и мистицизма. Именно таковыми предстают для многих европейских народов русские – восточные славяне в целом.

Проявление национальной неприязни и политического честолюбия Ницше отождествлял с умственным расстройством и приступами *дурения*, которые иногда постигают тот или иной народ («его ум заволакивают тучи» [5, с. 370]). Отношения между народами и процесс взаимодействия разных культур он рассматривал по аналогии с физиологической чувствительностью, когда одна сторона стремится производить, а другая «дает оплодотворять себя и рождает» [5, с. 369]. К таким «гениальным народам», на

долю которых выпала задача формирования, вынашивания, завершения, Ницше отнес греков и французов. Евреев, римлян и немцев он приводит в качестве тех, «назначение которых – оплодотворять и становиться причиной нового строя жизни». Эти народы возбудимы некоей неведомой энергией и влекомы из границ собственной природы к «чуждым расам». Как отметил Ницше, «эти два гения ищут друг друга, как мужчина и женщина», и в то же время «они также не понимают друг друга» [5, с. 369]. Ницше утверждал, что европейская культура из всего многообразия того, чем она располагает (очень хорошего и дурного, привлекательного, обманчивого, отборного), обязана евреям. К таким заслугам народа земли обетованной ученый отнес: «высокий стиль в морали, грозность и величие бесконечных требований, бесконечных наставлений, вся романтика и возвышенность моральных вопросов» [5, с. 370]. Средоточием самой возвышенной и рафинированной духовной культуры Европы и высокой школой вкуса Ницше считал Францию. «...Я верю только во французскую культуру и считаю недоразумением все, что кроме нее называется в Европе *культурой*, не говоря уже о немецкой культуре... Те немногие случаи высокой культуры, которые я встречал в Германии, были все французского происхождения...» [5, с. 718]. Гордостью французов и бесспорным подтверждением их давнего культурного превосходства над Европой, по мнению Ницше, является «способность к артистическим страстям, приверженность к форме», «их старая многосторонняя моралистическая культура», обусловившая психологическую восприимчивость и любознательность французов, синтез и чередующееся проявление во французской натуре особенностей южного и северного темпераментов, что и отличает их от других европейских народов [5, с. 374 – 375]. Рисуя обобщенный портрет англичан, Ницше назвал их «нефилософским» народом (расой). Натура англичанина, по сравнению с немцем, намного благочестивее и более нуждается в христианской дисциплине, но в то же время, по словам Ницше, англичанин гораздо «утрюмее, чувственнее, сильнее волею, грубее немца», «в движениях его души и тела <...> нет даже влечения к такту и танцу, к *музыке*» [5, с. 372 – 373].

Х. Ортега-и-Гассет, сопоставляя культуры Испании и России, называл их «двумя полюсами великой европейской оси» [6, с. 80]. Существенные типологические различия он видел также в культурах романских и германских народов, соотнося их как культуру поверхности и глубины [6, с. 305]. По мнению Х. Ортега-и-Гассета, Испания и Россия сближаются лишь тем, что «всегда испытывали недостаток в выдающихся личностях»: «Славяне – это могучее народное тело, над которым едва подрагивает крошечная детская головка. Разумеется, некое избранное меньшинство имело положительное влияние на жизнь русских, но по малочисленности ему так и не удалось справиться с необъятной народной плазмой. Вот откуда аморфность, расплывчатость, закоренелый примитивизм русских людей» [6, с. 80].

Скудность, поверхностность и искаженность представлений о России в мире Н.А. Бердяев объяснял тем, что она никогда не играла определяющей роли в истории, все время оставалась «уединенной провинцией», отличаясь замкнутостью и обособленностью духовного бытия [7, с. 271]. «Духовные силы России не стали еще имманентны культурной жизни европейского человечества. Для западного культурного человека Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством» [7, с. 270 – 271]. В качестве определяющих характеристик восточных славян Н.А. Бердяев выделил аполитичность, пассивность к вопросам государственного устройства и управления, неумение устраивать свою землю, покорная женственная природа, ожидающая жениха [7, с. 275]. Образным подтверждением таких взглядов является легендарное предание «Повести временных лет», свидетельствующее, что славяне обратились за море к варягам с просьбой прислать правителя, который властвовал бы на их большой и богатой земле, где так не хватает порядка. Зависимость России от Запада, нередко доходившую до рабского подчинения ему, Бердяев связывал именно с отсутствием мужественного начала, которое всегда заимствовалось и было «как бы не русским, заграничным, западноевропейским, французским или немецким или греческим в старину» [7, с. 284].

По мнению Н.А. Бердяева, недостаточность мужественного и индивидуалистического начал в русской духовности отражена и в специфике религиозности, которая растворяется в коллективной национальной стихии и «боится выхода из коллективного тепла в холод и огонь личной религиозности», «отказывается от мужественного, активного духовного пути» [7, с. 279]. Слабость и недостаток русского характера, подчеркивал философ, проявляются в ощущении утомительности, которую испытывает славянская душа от активной работы над формированием своей личности и выработкой самодисциплины; в желании человека «укрыться в складках одежд Богородицы»; в вере и надежде на то, что «святые или сам Бог все за него сделают» [7, с. 338 – 339]. Н.А. Бердяев считал, что в оформлении своеобразных черт русского национального характера ведущую роль сыграли географические факторы. Широта русского человека, необъятность и хаотичность его души детерминированы огромными пространствами восточнославянских земель, организация которых нелегко давалась человеку; русская душа «утопает и растворяется» в необъятности и безграничности русских полей и снегов [7, с. 325]. Безынициативность, беспечность, безответственность, бесшабашность и лень рассматриваются как порождения «власти шири над русской душой» [7, с. 327].

В отличие от восточных славян народы Западной Европы, которые постоянно ощущают сдавленность небольшим пространством, привыкли рассчитывать на собственную энергию. Например, немцы ищут спасения только в своей активности, интенсивности, самодисциплине и внутренней напряженности, так как они не могут смириться с хаотичностью, безбрежностью и иррациональностью. «Германец чувствует, что его не спасет Германия, он сам должен спасти Германию. Русский же думает, что не он спасет Россию, а Россия его спасет». Русский никогда не чувствует себя организатором. Он привык быть организуемым [7, с. 328]. Сравнивая русский и польский типы ментальности и духовности, Н.А. Бердяев пытался осознать причины их несовместимости. Он противопоставил простоте, прямоте и бесхитростности русской души, «легко опускающейся и грешащей, кающейся и до болезненности сознающей свое ничтожество перед лицом Божиим» [7, с. 412], аристократический гонор, организованность, готическую устремленность, индивидуалистичность, утонченность и изящность польской души.

В.С. Соловьев неслучайно называл поляков братским по крови, но враждебным по духу народом, заметив, что дух сильнее крови [1, с. 210]. Взаимную неприязнь Польши и России он считал проявлением спора Запада и Востока, развернувшегося внутри славянского мира. Н.А. Бердяев отмечал, что для Польши, всегда смотревшей на славянский Восток с чувством своего культурного превосходства, русская модель духовности казалась «просто низшим и некультурным состоянием» [7, с. 411], а славянофилам, испытывавшим не меньшее отвращение к католическому миру, поляки представлялись прежде всего латинянами, и «было почти забыто, что они славяне» [7, с. 390 – 391]. Разные культурные генотипы, обусловленные религиозными традициями, ценностными доминантами, особенностями символического содержания культур, способствуют увеличению дистанции между двумя общностями в европейском пространстве и вместе с тем обостряют самосознание народов. «Россия исторически привыкла со стороны Запада охранять свою православную душу и свой особый духовный уклад. В прошлом полонизация и латинизация русского народа была бы гибелью его духовной самобытности, его национального лика» [7, с. 411].

Трудности внутреннего сближения русских и поляков в философской мысли связывались с очень поверхностным, чаще всего политически окрашенным восприятием данной проблемы. Н.А. Бердяев полагал, что между двумя народами пока еще не возникла глубокая потребность во взаимном понимании. Не предлагая кардинальных путей разрешения противоречий, как и многие другие, единственно возможный выход он видел в компромиссе, примирении народных душ, взаимном прощении их слабых сторон и недостатков, в объединении христианских сил.

Как свидетельствует опыт европейской философской мысли, отношение к иным культурным системам и традициям всегда неоднозначно и противоречиво, поскольку они могут судорожно отталкивать и страстно притягивать, вызывать и брезгливость, и восхищение. Изучение межкультурных различий позволяет лучше понять, осмыслить и бережно оценить привычное окружение или вообще существенно пересмотреть и коренным образом изменить его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Византизм и славянство. Великий спор. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 198 – 310.
2. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
3. Монтень М. Опыты: В 3 кн. – СПб.: Кристалл, Респекс, 1998. – Кн. 1 – 2. – 960 с.
4. Монтескье Ш.Л. Персидские письма. – М.: Элиста, 1988. – 302 с.
5. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. – Т. 2. – 864 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. – Киев: Новый Круг, 1994. – 320 с.
7. Бердяев Н. Судьба России: Сочинения. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – 736 с.